

ДУХОВНОСТЬ И ДУХОВНИЧЕСТВО [1]

Тема моего доклада – духовность и духовничество или, если предпочитаете, духовное окормление или душепопечение.

Я хотел бы сначала определить слово “духовность”, потому что обычно, когда мы говорим о духовности, мы говорим об определенных выражениях нашей духовной жизни, таких как молитва, как подвижничество; и это ясно из таких книг, как, например, книги Феофана Затворника. Мне кажется, однако, надо помнить, что духовность заключается в том, что в нас совершает действие Святого Духа, и духовность не есть то, что мы ею обозначаем обычно, а эти проявления таинственного действия Духа Святого.

И это сразу нас ставит по отношению к духовничеству в очень четкое положение, потому что тогда речь не о том, чтобы человека воспитывать по каким-то принципам и научить его развиваться в молитве или аскетически по каким-то трафаретам. Духовничество тогда будет состоять в том, чтобы духовник, на какой бы степени духовности он сам ни находился, зорко следил за тем, что над человеком и в человеке совершает Святой Дух, возгревал бы Его действие, защищал против соблазнов или падений, против колебаний неверия; и в результате духовническая деятельность может представиться, с одной стороны, гораздо менее активной, а с другой стороны – гораздо более значительной, чем мы часто думаем.

Раньше чем пойти дальше, я хочу сказать два слова о том, что духовничество – не однозначное понятие. Есть, как мне кажется, три типа духовников.

На самом основном уровне это священник, которому дана благодать священства, который в себе носит не только право, но и благодатную силу совершать таинства – таинство Евхаристии, таинство Крещения, таинство Миропомазания, но также и таинство Исповеди, то есть примирения человека с Богом. Большая опасность, которой подвергается молодой неопытный священник, полный энтузиазма и надежды, состоит в том, что подчас молодые люди, выходящие из богословских школ, воображают, будто рукоположение наделило их и умом, и опытом, и “различением духов”, и делают тем, что в аскетической литературе называли “младостарцами”; то есть, не обладая еще духовной зрелостью, не обладая еще даже тем знанием, которое дает просто личный опыт, они думают, что их научили всему, что может им помочь взять кающегося грешника за руку и повести от земли на небо.

И, к сожалению, это случается слишком часто, и во всех странах: молодой священник, в силу своего священства, но не потому, что он духовно опытен, и не потому, что Бог его к этому привел, начинается руководить своими духовными детьми “указами”: этого ты не делай; это ты делай; такую-то литературу не читай; в церковь ходи; отбивай поклоны... И в результате получается некая карикатура духовной жизни у его жертв, которые делают всё, что, может быть, и делали подвижники, – но те-то делали это из духовного опыта, а не потому что они дрессированные животные. А для духовника – катастрофа, потому что он вторгается в такую область, в которую у него нет ни права, ни опыта вторгаться. Я настаиваю на этом, потому что это насущный вопрос для священства.

Старцем можно быть только по благодати Божией, это харизматическое явление, это дар; и научиться быть старцем нельзя, так же как нельзя выбрать своим путем гениальность. Мы все можем мечтать о том, чтобы быть гениальными, но мы отлично понимаем, что Бетховен или Моцарт, Леонардо да Винчи или Рублев обладали такой гениальностью, которой нельзя научиться ни в какой школе, и даже нельзя научиться длительным опытом, но которая является Божественным даром благодати.

Я настаиваю на этом, может быть, слишком долго, потому что мне кажется, что это насущная тема – в России, возможно, более, чем на Западе, потому что роль священника в России гораздо больше центральна. И часто молодые священники – молодые или по возрасту, или по своей духовной зрелости или незрелости – “управляют” своими духовными детьми вместо того, чтобы их возвращать.

Вращивать – это значит относиться к ним и поступать с ними так, как садовник относится к цветам или к растениям: надо знать природу почвы, надо знать природу растения, надо знать условия, в которые они поставлены, климатические или другие, и только тогда можно **помочь** – и это всё, что можно сделать – помочь этому растению развиваться так, как ему свойственно по его собственной природе. Ломать человека для того, чтобы его сделать подобным себе – **нельзя**. Один духовный писатель Запада сказал: духовное чадо можно привести только к **нему самому**, и дорога внутрь его жизни бывает иногда очень долгая... В житиях святых можно увидеть, как большие старцы это умели делать, как они умели быть собой, но прозреть в другом человеке его исключительное, неповторимое свойство, и дать этому человеку, и другому, и третьему возможность быть тоже **самими собой**, а не репликами этого старца или, еще хуже, его трафаретным повторением.

Пример этому в истории Русской Церкви – встреча Антония и Феодосия Печерских. Феодосий был воспитан Антонием, и, однако, их жизнь ничего общего не имеет в том отношении, что Антоний был отшельником, а Феодосий – основоположником общего жития. Казалось бы – как мог Антоний приготовить его делать то, чего он сам не стал бы делать, и воспитать его таким человеком, каким он сам не хотел быть и к чему Бог его самого не призывал? Мне кажется, тут надо очень зряче различать между нашим желанием сделать человека подобным себе и желанием сделать его подобным Христу.

Старчество, как я сказал, это благодатный дар, это духовная гениальность, и поэтому никто из нас не может думать о том, чтобы вести себя подобно старцам. Но есть еще промежуточная область – это отцовство. И опять-таки, слишком часто молодой – и не такой молодой – священник, только потому, что его называют “отец такой-то”, воображает, что он не просто исповедальный священник, а действительно “отец”, в том смысле, в котором Павел говорил, что пестунов у вас много, но я родил вас во Христа; и то же самое в свое время говорил святой Серафим Саровский. Отцовство заключается в том, что какой-то человек – и это может быть даже не священник – родил к духовной жизни другого человека, который, взглядевшись в него, увидел, как старое присловье говорит, в его глазах и на его лице сияние вечной жизни и потому мог к нему подойти и просить быть ему наставником и руководителем.

Отца отличает также то, что он как бы одной крови, и в духовной жизни – одного духа со своим учеником, и может его вести, потому что между ними есть истинное, не только духовное, но и душевное созвучие. Вы, наверное, помните, как в свое время египетская пустыня была перенаселена подвижниками и наставниками, и, однако, люди не выбирали себе наставника по признаку его выдающейся славы, не шли к тому человеку, о котором говорилось больше всего хорошего, а находили такого наставника, которого **они** понимали и который **их** понимал.

И это очень важно, потому что послушание не в том, чтобы делать слепо то, что говорит некто, имеющий над вами или материально-физическую, или душевно-духовную власть; послушание заключается в том, что послушник, выбрав себе наставника, которому он верит безусловно, в котором он видит то, что он сам ищет, вслушивается не только в каждое его слово, но вслушивается и в тон голоса, и старается через все проявления личности наставника и все проявления его духовного опыта перерасти самого себя, приобщиться к этому его опыту и стать человеком, который уже вырос за предел той меры, которой он мог бы достичь своими собственными усилиями. Послушание – это раньше всего стремление слушать и слышать не только умом, не только ухом, но всем существом, открытым сердцем, благоговейным созерцанием духовной тайны другого человека.

А со стороны духовного отца, который вас родил или который вас воспринял уже рожденными, но может быть отцом для вас, должно быть глубокое **благоговение** к тому, что в вас совершает Святой Дух. Духовный отец – так же, собственно, как любой добросовестный приходской священник – должен быть в состоянии (и это порой дается ценой усилия, вдумчивостью, благоговейным отношением к тому, кто к нему приходит) видеть в человеке ту красоту образа Божия, которая никогда не отнимается; если даже человек поврежден грехом, духовник должен видеть в нем икону, которая пострадала от условий жизни, или от человеческой небрежности, или от кощунства; видеть в нем икону и благоговеть перед тем, что осталось от этой иконы, и ради этой божественной красоты, которая в нем **есть**, работать над тем, чтобы устранить **все**, что уродует этот образ Божий. Отец Евграф Ковалевский, будучи еще мирянином, как-то мне сказал: когда Бог смотрит на человека, Он не видит в нем ни добродетелей, которых может и не быть, ни успехов, которых он не имеет, но Он видит незыблемую, сияющую красоту Собственного Образа... И вот, если духовник не способен видеть в человеке эту извечную красоту, видеть в нем уже начинающееся свершение его призвания стать по образу Христа богочеловеком, то он не может его вести, потому что человека не строят, не делают, а ему помогают вырасти в меру собственного его призвания.

И тут слово “**послушание**”, может быть, следует немножко уяснить. Обыкновенно мы говорим о послушании как о подчиненности, подвластности, а подчас и порабощении духовнику или тому, кого мы назвали – совсем напрасно и во вред не только себе, но и священнику – духовным отцом или своим старцем. Послушание же заключается именно в том, что я сказал выше: в слушании всеми силами души. Но это обязывает в равной мере и духовника, и послушника; потому что духовник должен прислушиваться всем своим опытом, всем своим существом и всей своей молитвой, и скажу больше: всем действием в нем благодати Всесвятаго Духа, к тому, что совершает **Дух Святой** в человеке, который ему доверился. Он должен уметь проследить пути Духа Святого в нем, он должен благоговеть перед тем, что Бог совершает, а не стараться воспитать либо по своему образцу, либо по тому, как ему кажется, человек должен бы развиваться, как “жертва” его духовного водительства.

И с обеих сторон это требует смирения. Ожидаем мы легко смирения со стороны послушника или духовного чада; но сколько смирения нужно священнику, духовнику для того, чтобы **никогда** не вторгаться в святую область, чтобы относиться к душе человека так, как Моисею приказал Бог отнестись к той почве, которая окружала купину неопалимую. И **каждый** человек – потенциально или реально – уже является этой купиной; и всё, что его окружает, это почва святая, на которую духовник может ступить, только иззув свои сапоги, никогда не вступить иначе, чем как мытарь, стоящий у притолоки храма, глядящий в храм и знающий, что это область Бога Живого, место святое, и он не имеет права войти туда иначе, как если Сам Бог велит или Сам Бог подскажет, какое действие совершить или какое слово сказать.

Одна из задач духовника в том, чтобы воспитать человека в духовной свободе, в царственной свободе чад Божиих, и не держать его в состоянии инфантильности всю жизнь: чтобы он не прибегал всегда по пустякам, пусто, напрасно к своему духовному отцу, а вырос в такую меру, когда он сам научится слышать то, что Дух Святой глаголет неизреченными глаголами в его сердце.

И если подумать о том, что значит смирение, можно обратиться к двум коротким определениям. Первое – “смирение” по-русски это состояние примиренности, когда человек примирился с волей Божией, то есть отдался ей неограниченно, полностью, радостно, и говорит: “Делай со мной, Господи, что хочешь!” – но в результате примирился и со всеми обстоятельствами собственной жизни: всё – дар Божий, и доброе, и страшное. Бог нас призвал быть Его посланниками на земле, и Он нас посылает туда, где мрак, чтобы быть светом; где безнадежье – чтобы быть надеждой; где радость умерла – чтобы быть радостью. И наше место не просто там, где покойно, в храме, или при совершении литургии, когда мы защищены взаимным присутствием, а там, где мы стоим в одиночку, как присутствие Христово во мраке обезображенного мира.

Если подумать затем о латинских корнях смирения, то *humilitas* происходит от слова *humus*, обозначающего плодородную землю. Подумайте – об этом тоже пишет Феофан Затворник, – что представляет собой земля: она лежит, безмолвная, открытая, беззащитная, уязвимая, перед лицом неба; она принимает от неба и зной, и лучи солнечные, и дождь, и росу, но она принимает также то, что мы называем удобрением – то есть навоз, отбросы, всё, что мы в нее кидаем, – и что случается? – она приносит плод, и чем больше она выносит того, что мы душевно называем унижением, оскорблением, тем больше она приносит плода.

И вот смириться – это раскрыться перед Богом так совершенно, чтобы никак против Него, против воздействия Святого Духа или против положительного образа Христа, Его учения не защищаться и быть уязвимыми для благодати, как в греховности нашей мы уязвимы бываем от рук человеческих, от острого слова, от жестокого поступка, от насмешки, – и отдать себя так, чтобы по нашему собственному желанию Бог имел право совершить над нами, **что бы Он ни захотел**: всё принимать, открываться, и тогда дать просто Святому Духу нас покорить.

Мне кажется, что если и духовник будет учиться смирению в этом смысле: видеть в человеке извечную красоту, и знать свое место (а это место такое дивное, такое святое: место друга жениха, которому невеста – не его невеста, но который поставлен оберечь встречу жениха и невесты), тогда духовник может действительно быть спутником своего духовного чада, идти шаг за шагом с ним, оберегая его, поддерживая его и никогда не вторгаясь в область Святого Духа; и тогда духовничество делается частью той духовности и того возрастания в святость, к которой каждый из нас призван и которую каждый духовник должен помочь своим духовным детям совершить.

Но где искать духовников? Беда в том, что старцев, даже духовников, нельзя искать, потому что мы можем обойти весь мир и не найти; но опыт подсказывает, что иногда Бог нам посылает нужного человека в нужную минуту хоть на короткий срок. И он тогда вдруг делается для нас тем, чем старцы были в продолжительном отношении. Знаете, я часто думаю, что мой как бы небесный покровитель – валаамова ослица, которая заговорила и сказала пророку то, чего он сам видеть не мог, в том смысле, что так часто ко мне приходит человек, и я не знаю, что ему ответить, и вдруг нечаянно скажу что-нибудь – и оказывается правильно. И я думаю, что в такой момент Бог тебе дает слово; но рассчитывать на то, что твой опыт, твоя начитанность тебе даст возможность это всегда делать, невозможно, и поэтому приходится очень часто благоговейно промолчать, а потом сказать человеку: знаешь, я сейчас не могу тебе ответить... И у нас есть замечательный пример в жизни Амвросия Оптинского; к нему приходили люди, прося совета, он их заставлял два-три дня ждать; и в одном случае купец пришел, говорит: мне надо возвращаться, у меня лавка закрыта, а ты мне ответа не даешь... И Амвросий ему ответил: не могу тебе ничего сказать! Я спрашивал ответа у Божией Матери, и Она молчит... И я думаю, что и мы могли бы сказать: я мог бы тебе от ума, от книг, от рассказов что-то сказать, но это было бы нереально, – и вот я не могу тебе ничего сказать. Молись, я буду молиться, если что-нибудь мне Бог на душу положит, я тебе напишу, я тебе скажу – и человек относился бы тогда к слову, которое ты скажешь, когда ты говоришь его, совсем иначе, чем когда на все случаи жизни у тебя прописные истины, потому что все наизусть знают твои прописные истины: единственный вопрос в том, что он не знает, которая к нему относится вот сейчас.

Теперь я хочу пояснить, что когда я говорил о гениальности, я не говорил ни о священстве, ни даже о категории духовного отцовства, а специально и исключительно о старчестве. И я употребил слово “гениальность”, потому что в области разговорного языка оно выражает то, что можно назвать иначе “благодатность”. В области мирской это гениальность музыкальная, артистическая, математическая – это нечто, чего мы не можем достигнуть никакими собственными усилиями. Поэтому я говорил не о священстве вообще, и, конечно, не думал порочить приходского священника, самого молодого, простого, но искреннего, который делает свое священническое дело, исповедуя людей, делясь с ними тем, чему он научился от отцов Церкви, от богословов, от собственного духовника, от окружающей его христианской молитвенной среды. Это драгоценная вещь. Но есть момент, который меня немножко смущает: это то, что некоторые священники – и чем

больше они духовно неграмотны и незрелы (это относится также и к мирянам, но сейчас я бью по священникам, потому что они “профессионалы”), тем легче они думают, что как только они облечены в рясу, надели епитрахиль, они будут говорить **от Бога**. Я помню очень уважаемого человека, которого сейчас многие считают великим старцем на земле, который мне говорил: я больше не молюсь, когда люди ставят мне вопрос, потому что так как после молитвы я говорю Святым Духом, то если они не исполнят точно то, что я скажу, они грешат против Духа Святого и им нет прощения... Вот это я имел в виду; это, конечно, слава Богу, крайность. И я в ужасе, что человек может думать, что потому что он трижды сказал: “Господи, просвети мой ум, еже помрачи лукавое похотение”, то следующие его слова будут просто пророчеством от Бога.

И я думаю, что тут просто элементарный разум играет роль: можно говорить о том, что ты знаешь достоверно. Скажем, беря пример громадного масштаба: святой апостол Павел мог говорить с совершенной достоверностью и уверенностью о том, что воскрес Христос, потому что он встретил живого, воскресшего Христа на пути в Дамаск; о некоторых других вещах он говорил не из такого первичного опыта. Другие люди также обладают определенным опытом, меньшего масштаба, может быть, меньшей силы, но о котором они могут говорить: “Да, я знаю достоверно” – как один безбожник, обратившийся к Богу, написал во Франции книгу под названием “Бог существует, я Его встретил”.

Священник – и мирянин – могут также говорить из опыта церковного, которому они причастны, даже если не обладают им полностью; потому что имея общие с другими некоторые опытные предпосылки, они могут прислушиваться к опыту других, опыту, который еще не стал полностью их опытом, но когда это нужно другому, они могут сказать: это – правда, потому что это говорит Церковь, и я знаю из недр церковных больше, чем я знаю из собственного опыта... И, наконец, есть вещи, о которых мы можем говорить только потому, что их нам открыл Господь.

[1] Доклад на Второй международной церковной научной конференции “Богословие и духовность” (Москва, 11-18 мая 1987 года), проведенной в рамках подготовки к празднованию Тысячелетия Крещения Руси. Текст печатается в редакции “Вестника Русского Западно-Европейского Патриаршего экзархата” (№ 117, 1989), одобренной автором. Доклад был издан также в сборнике материалов конференции (Тысячелетие Крещения Руси. М.: Изд. Моск. Патриархии, 1989) – чрезвычайно небрежно снятый с фонограммы, с множеством опечаток, в том числе даже в фамилии Владыки.

[Предыдущая глава](#) | [СОДЕРЖАНИЕ](#) | [Следующая глава](#)